

Антон Глушко

Наталья Образцова

Избиратели-таганрожцы проявляют большой интерес ко всему, что связано с историей родного города.

На днях группа избирателей прислала в редакцию письмо с просьбой рассказать им о жизни и деятельности Антона Глушко, чьим именем назван переулок, по которому они проживают.

Ниже мы печатаем очерк «Антон Глушко».

Юность

Душный вечер спускается над пыльными улицами города. Кое-где у ворот звонко тенькает балалайка, вокруг нее гурьбой столпились девчата. Шутки, смех, разлетается с губ подсолнечная шелуха...

Мимо них опускается почти к самому морю невысокий, коренастый мужчина.

— Здорово, дядя Кузьма! Что это Антона не видно?

— Должно, с работы еще не вернулся, — отвечает дядя Кузьма, подходя к маленькой хатке на углу Полицейского переулка. Низкая калитка легко распахивается от толчка — и вот он уже в прохладном сумраке комнаты. Сквозь прикрытые ставни пробиваются лучи солнца, пахнет цветами. Обернувшись, он видит на пороге сына. Он стоит в сияющем просвете дверей — такой же плотный, коренастый, улыбаясь отцу в полумрак комнаты. В руках — книжка.

Много лет работал в порту категорец Кузьма Глушко. Не один пароход нагрузили и разгрузили его могучие руки. Недаром широкая спина подалась, сгорбилась под тяжестью увесистых мешков. У Антона — те же широкие плечи и сильные руки, то же открытое, загорелое лицо. Только глаза у него зоркие, пристальные, так и обжигают из-под широких бровей. И руки его — не мускулистые руки отца: на гибких пальцах — несмываемая чернота типографской краски.

В маленькой частной типографии Тараховского Антон с утра до вечера набирал скучные бланки, карточки, бесконечные бухгалтерские формы.

Через двор от Антона жил его товарищ — Савелий Завражный. Маленький, веселый Савелий с большим уважением относился к своему другу. Так уважают сильных и старших. Они вместе играли в бабки по воскресеньям, вместе пользовались нехитрыми городскими развлечениями.

Возле мужской гимназии расстилалась широкая площадь. Здесь под гармошку, поднимая пыль, плясала молодежь. Тут же в стороне — тесный деревянный сарайчик — там можно было посмотреть туманные картины. Перед глазами зрителей проплывали тускло освещенные неподвижные красавицы, франты...

— Скучно, Савелий! Пойдем...

Скучно смотреть туманные картины, скучно играть в бабки...

А издалека уже долетают отголоски близкой бури.

Все чаще собиралась молодежь в маленькой хатке на Полицейском переулке. Здесь, на собраниях подпольного кружка, произносились те новые, зовущие слова, которые вот-вот готовы родиться в типографии. Эти слова нужно было сказать всем. Они нужны, как воздух таганрогским рабочим.

Прокламации

1905 год... В городе беспокойно. Бастуют рабочие котельного завода Альберт-Нев-Вильде и К⁰. Их поддерживают металлурги. А солдаты, вернувшись с молитвы из полковой церкви, находят в казарме под серыми подушками только что положенные листки. Они тревожат солдатские мысли, настойчиво говорят о приближении революции простым, понятным каждому солдату, языком.

Откуда появлялись эти листки – никто не знал. Но они делали свое дело.

...Солдаты отказываются стрелять в забастовщиков и полицеймейстер Джапаридзе в бешенстве рвет попавшийся ему клочок бумаги со строчкой сверху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— Очередь прокламации! – хрипит он, взмахивая нагайкой. Разыскать подпольщиков!

В бессильной злобе рыщут жандармы по тихим улицам. А над городом стоит весенняя ароматная ночь, полная запаха сирени и моря. Душистые ветки плотно льнут к окнам низенького флигелька па Донском переулке. Здесь, в укромной комнате, всю ночь кипит работа. Над самодельной кассой с набором шрифтов сосредоточенно склоняются трое: Антон, пышноволосая девушка Зоя – хозяйка дома и новый товарищ – Андрей. Эта подпольная типография – «Техника» – детище Антона. Долго и тщательно организовывал он ее. Сначала вынесли шрифт из типографии Тараховского. Потом смастерили удобную кассу.

Осторожно выбирал Антон среди членов кружка самого надежного. Наконец, выбрал Андрея Кукобина. И когда тот с радостью принял предложение – Антон еще раз пристально посмотрел на него испытующими глазами:

— Только предупреждаю: в случае ареста – четыре года каторга. Не боишься?

Андрей вспыхнул в ответ и в тот же вечер явился по указанному адресу.

...Всю ночь печатаются листовки, и только на рассвете снова рассыпаются в кассу слова. И когда в комнате не остается никаких следов тайной работы – Антон распахивает окно прямо в гущу сирени, навстречу утреннему солнцу. Он заразительно хохочет, обнимая друзей.

— Скоро, товарищи, скоро!

А через час свежие прокламации – уже на заводе в надежных руках Савелия Завражного. Рабочие с жадностью читают последние вести, ловят каждое слово об Ильиче. И полицеймейстер Джапаридзе в бессильном бешенстве рвет ненавистные листки: «Очередь прокламации!».

В ссылке

Их арестовали в 1908 году. Хотя на квартире Андрея Кукобина не было обнаружено ничего подозрительного – околоточный надзиратель заявил, что есть приказ об их «безусловном аресте».

На квартире Глушко нашлись кое-какие нелегальные документы. Выездная сессия Одесского военно-окружного суда осудила его в ссылку в Сибирь на поселение за принадлежность к социал-демократической рабочей партии.

Сибирь... Необъятные снежные просторы... Как не пыталось царское правительство похоронить в них революционные стремления рабочего класса – большевики и здесь находили друг друга. В Иркутске Антон Глушко и Андрей Кукобин неожиданно встретились. Таганрогские подпольщики смело продолжают начатое дело. Оба поступают в типографию: Антон – печатником, Андрей – наборщиком. В 1916 году они организуют забастовку печатников. Неутомимый большевик. Антон Глушко в тяжелых условиях каторги помогает делу революции. А в короткие минуты досуга читает Андрею стихи. В занесенной снегом избе встает солнечный образ девушки-революционерки на берегу южного залива. И Антон до боли сжимает руку товарища:

— Эх, Андрей, скорей бы домой!

Снова на родине

...Он вернулся в Таганрог ранней весной 1917 года. С первых дней закаленный большевик принимает деятельное участие в создании таганрогской организации социал-демократической партии. Вместе с другими большевиками он ведет борьбу с эсерами, меньшевиками, белогвардейцами.

Наступают январские события 1918 года, которые остались в памяти таганрожцев, как дни окончательного разгрома юнкеров. В течение четырех дней отряды Красной Гвардии осаждали белогвардейские штабы, ведя упорный неравный бой: у юнкеров было и оружие, и боеприпасы, у рабочих – разнокалиберные винтовки и горсточка патронов. Но революционный героизм и правильное руководство большевистской организации победили. Последняя крепость юнкеров – вокзал – дрогнула от влетевшего паровоза, пущенного рабочими котельного завода. Разбежавшиеся в страхе юнкера были уничтожены.

Через несколько дней в освобожденном городе был организован Совет рабочих депутатов первого большевистского состава. Председателем его был единодушно избран Антон Глушко.

Совет разместился в здании, где теперь находится Краеведческий музей, и с первых дней начал свою активную деятельность.

В пожелтевших номерах «Таганрогского пролетария» – органа Таганрогского Совета Рабочих Депутатов – сохранились отчеты о заседаниях Совета, в трудных условиях гражданской войны, налаживавшего нормальную жизнь города.

Замечательный рабочий агитатор, Антон Глушко пользовался у жителей города большим авторитетом. Он любил разговаривать с народом и его пламенные речи воодушевляли рабочих на революционную борьбу.

Преждевременная смерть – весной 1918 года от воспаления легких рано прервала жизнь этого замечательного большевика.

С тех пор прошло тридцать два года. Город, который так любил Антон Глушко, неузнаваемо изменился. Бывший глухой Полицейский переулок, любовно названный его именем, стал одним из центральных проспектов. Сюда со всех концов города звонкие трамваи мчат таганрожцев. Одни из них отправля-

ются к сияющему огнями зданию почты, другие в театр, третьи – в прекрасный кинотеатр «Октябрь», где вместо туманных картин демонстрируются лучшие произведения советского киноискусства.

Много лет прошло, но жители Таганрога тепло вспоминают об Антоне Глушко. Хорошо помнит товарища юности и старый кадровик завода имени Сталина Савелий Лукьянович Завражный. И когда он шагает по залитому светом проспекту среди шумной молодой толпы, все морщинки его лица разбегаются в счастливой улыбке:

Эх, Антон, посмотрел бы ты теперь на наш город!

ЩЕПЬ ИМЕНИ А.П. ЧЕХОВА